

Встреча с Анной Николаевной состоялась 5 июля 2019 года. Встрече она обрадовалась. Вот уже два года Анна Николаевна не может выходить из своей квартиры на втором этаже. Альбом с фотографиями и внушительная стопка Почётных грамот уже лежали на стуле у дивана. Нет, не к нашей встрече она достала из шкафа документы. Чтение газет, а их Анна Николаевна выписывает регулярно и внимательно прочитывает, телевизор, телефон да вот эти документы – последнее время единственные собеседники.

Июльские дни холодные, идёт дождь, и в квартире Анны Николаевны тоже прохладно. На ногах валенки, укутана в тёплую кофту. Рядом – ходунки. Только с ними она передвигается по квартире.

В декабре 2019 года Анне Николаевне исполнится 98 лет. Но её память удивительно светлая, речь интересная, иногда с юморком.

Рассматриваем фотографии, она рассказывает, когда были сделаны снимки, кто на них.

- Родилась я в деревне Перницы. В семье было пятеро детей, двое умерли, остались сестра Тоня и брат Вася. Мама работала в колхозе, зарабатывала трудодни. Папа жил в Ленинграде, нам не помогал. Он был хороший специалист по железу, но пьяница. Осенью мама получала зерно – плата за трудодни. Сколько получала – зависело от трудодней и от урожая.

Зарабатывала она немного – работала в полеводстве, там не заработаешь. Много трудодней было только у тех, кто работал на ферме. Зерно мы иногда досушивали, иногда нет – какое дадут, потом мололи его на жерновах. Один камень большой и плоский, другой поменьше сверху с отверстием. В него засыпали зерно и крутили. Получалась мука. Эти жернова и амбар до сих пор сохранились в деревне. И дом сохранился, где мы жили.

В школу я пошла в соседнюю деревню Малышева Гора. Там была начальная школа. Окончила три класса, училась хорошо. Потом в Рудно, там была семилетняя школа. Окончила в 1937 году. Поехала в Ленинград, там папа, родственники все. Они сбежали из деревни, когда началась коллективизация, в 29-30 годы. Приехала к маминной сестре тёте Груше, Агриппине. У неё семь человек семья. Поездили по техникумам. Мне всё равно было в какой техникум, только бы из деревни уехать. Тогда не было понятия, что я хочу быть учителем или врачом. Ездили-ездили, везде меня принимают, потому что у меня в дипломе было только две четвёрки, остальные пятёрки. Тогда были не аттестаты, дипломы. В любой техникум могла поступить, а жить негде было. Мне ещё не было 16 лет, общежитие не давали. В техникум – пожалуйста, а в общежитие – нет. И у тётки остаться не могла, у неё было тесно, мальчишки на полу спали.

Приехала обратно. Июнь прошёл, июль. Наступил август. Директором школы в Рудно был Яковлев Владимир Яковлевич, вечная ему память! Собрал всех, кто никуда не поступил. Нас было семь человек. Одни

девчонки. И сказал нам: «Поезжайте в Гдов, я договорился с директором Гдовского педучилища, сдадите экзамены - будете там учиться». Мы поехали. Поступили. Нам дали общежитие. В 1940 году окончила училище и стала работать учителем начальных классов в школе в деревне Великое село. Отработала один год и началась война.

Война есть война. Школы не работали. Всю войну прожила в своей деревне. А когда закончилась, опять пошла работать в школу. Здание осталось цело. Детей было много. Все выжили, все остались.

Почти 25 лет работала в школе. В партию вступила в 1967 году и меня отправили на партийную работу.

- Почему так долго не вступали в партию? Ведь в то время, наверное, все учителя должны были быть коммунистами?

- Агитировали, а я думала, что не справлюсь с поручениями. В 1962 году вызвали в горком. Расспрашивали об успехах на работе. Тогда ведь коммунистом мог быть только тот, кто хорошо работает. Через год приняли в партию.

Потом направили в совхоз «Аврора» на партийную работу. Когда предложили первый раз – отказалась. Не хотела уходить из школы. В зарплате теряла – в школе получала 160 рублей, а там – 130. Ещё два года отработала в школе. Потом уже со мной говорить не стали. Тогда ведь как было: партия сказал – комсомол ответил: «Есть!». Такой был закон. Отказов не могло быть. Восемь месяцев отработала на профсоюзной работе, а потом выбрали секретарём парткома. Оттуда и ушла на пенсию.

- Полюбили новую работу?

- С народом работать всегда приятно! Как только начальство приезжало в совхоз, первый вопрос: «Где парторг?». Сажают в машину и едем на фермы или на полевые работы, на сенокос. Чтобы рабочие были все вот такие (Анна Николаевна показывает большой палец) - работали честно, добросовестно - это была задача секретаря партийной организации. Выпускали «Молнии» - писали о тех, кто хорошо работает, кто плохо.

- Были сложные ситуации?

- Без сложностей не бывает. Не могу вспомнить.

- Взаимоотношения с начальством всегда складывались?

- Я всегда ладила со всеми. Ни с кем не люблю спорить, ругаться, ссориться. А когда ты ладишь, и с тобой ладят.

- Анна Николаевна, вы же ещё занимались ветеранской организацией в Новоселье.

- Да, ветеранскую работу я только недавно сдала. У меня были все списки, всегда поздравляли юбиляров – кому исполнялось 60, 80 и 90 лет. Накануне звонила Тамаре Николаевне Прокофьевой, председателю ветеранской организации района, она покупала подарок, всегда кто-то из администрации приезжал. Я сама не ездила, ноги болят. Но и от моего имени тоже

поздравляли.

Всё время работала, кому-то помогала. Я всю жизнь, сколько живу, кому-то помогаю. Советую. Делом не могу, а словом могу. Что делать, как делать, куда идти, к кому обращаться. И книжка записная со всеми телефонами есть, я и сейчас могу до Путина дозвониться. Все с уважением относились, если позвонила – значит, всё. Моё слово было закон. Так было, так есть и так будет. Частенько перебираю свой архив. Фотографии, Почётные грамоты. Вспоминаю.

- Анна Николаевна, расскажите про военные годы. Вы же были связной у партизан.

- Я только помогала партизанам, собирала продукты: хлеб, картошку, огурцы. Ночью они приходили, я передавала. Всей деревней кормили. В лесу я не была. И немцы приходили в деревню. Один был случай, у нас в деревне оказалась женщина предателем. Прозвище у неё было Бобкина, а фамилия Александрова. Сначала она жила в Малышевой Горе, но там у них дом сгорел, они перебрались в Перницы. Эта Дуня пошла в Борки и пожаловалась немцам, что мы скрываем партизан. Немецкий отряд карателей стоял в деревне Борки. Не той, что у Выскатки, а Борки есть в сторону Доложска. Там, в Доложке, была больница, где все лечились, и церковь. Всё красиво было сделано, ещё до революции. Немцы приехали в деревню, прошли по всем домам, осматривали чердаки, подвалы, гумны, риги, амбары. Всё проверили – партизан не нашли. Эту тётю Дуню, немцы были не дураки, хоть и каратели, посадили в машину, увезли обратно в деревню Борки, посадили там в баню на трое суток, потом облили холодной водой и домой отправили. Её сын, дочь и муж куда-то потом делись, а она в нашей деревне так всю жизнь и прожила. Если знаете деревенскую жизнь, должны понимать, что в деревне сосед с соседом дружат, а с ней не общались, ненавидели её все.

- Про партизан тоже разное говорят, что последнее продовольствие у крестьян забирали.

- Нас никто не грабил, мы сами отдавали. Директор школы, Яковлев, был в партизанском отряде. Придёт, в окно, которое открывается, три раза стукнет, а пакет уже собран, он забирает и уходил. Сначала мама продукты собирала, потом и я стала. Но это было не с первого дня войны, тогда ещё партизан не было. Это потом уже они стали объединяться в группы. Воевали они с немцами: взрывали железные, шоссейные дороги. В нашем крае, где моя деревня, не было боевых действий, а дальше были. За Рудно, за Вейно, где немцы стояли.

- Анна Николаевна, как сложилась Ваша личная жизнь?

- В 1943 году фашисты стали угонять в Германию каждого третьего трудоспособного в семье. Трудоспособный – кому 14 лет. В нашей семье было трое - мама, я и Тоня, ей уже тогда исполнилось 14. А у меня был парень, Андрей, из соседней деревни. Мы дружили, на танцы бегали,

целовались. Молодость есть молодость. И в его семь такая же история – кого-то могли угнать в Германию. И вот тогда наши мамы договорились, и нас решили поженить. Открыли пустой дом, кровать, стол туда принесли. Я и он ушли из своих семей. Так меня женили. Прожила с Андреем три месяца. Потом все парни из нашей деревни, из других тоже, ушли в леса, к партизанам. Это было в апреле 1943 года, а в марте 1944 партизанские отряды расформировали, и всех бросили на защиту города Пскова. Там все они и погибли. Они винтовку держать не умели. Откуда в деревне ружья? Может, могли нажать на курок, выстрелить, а наступать они не могли! А в Пскове серьёзная была защита. Немцы хозяйничали там четыре года, накопили громадную силу и оружие.

А потом, после войны, вышла замуж за Виктора. Прожили шесть лет. Он был ранен на фронте, заболел и умер. Вот и вся моя семейная жизнь. Так и живу одна. Ребёнок был, заболел корью и умер. И вся жизнь кончилась.

Солдатская вдова. Из моего поколения никого не осталось. О мужчинах и речи быть не может. Последнюю подругу, Тоню Ефремову из Луговца, похоронили. Больше моего возраста нет. Судьба-судьбинушка. Но, дай бог, всем дожить до моих лет! 29 декабря будет 98 лет. Не пила, не курила, не занималась худыми делами, всю жизнь жила во благо Родины.

Наталья Степаненко,
записано 05.07.2019 года.